

АЛЕКС БЭЛЛ

ВОРЫ
ЛУННОГО ГОРОДА

КНИГА ПЕРВАЯ

Алекс Бэлл

**Воры лунного
города. Книга первая**

«Автор»

2026

Бэлл А.

Воры лунного города. Книга первая / А. Бэлл — «Автор», 2026

Одно дело — украсть кошелёк, другое — похитить нечто, за что тайный покупатель готов заплатить целое состояние. Для молодого вора Зака это именно такой случай. Его друг Грам втянул его в опасную игру, ведущую в особняк могущественного лорда Вальдора. Что за артефакт скрывается там, и почему он так важен? Ночная вылазка начинается с подземных ходов и заканчивается кровью на камне: стража, ловушки «пятой зоны», рунические цепи и человек в маске, который утверждает, что шкатулка — не добыча, а ключ. Если взять её неправильно, под домом проснётся то, что спало веками. А где-то в глубине истории уже однажды была заплачена цена за пробуждение древней силы: девять жизней — ради Стража, созданного для расплаты с демонами. Теперь тени Эдинбурга ведут Зака по следу, который соединяет воровскую удачу, запретные ритуалы и силу, способную раздавить целую империю. Зак чувствует: это не просто кража, а шаг в мир, где тьма помнит имена — и обязательно приходит за долгами.

© Бэлл А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Первая кровь.	5
Глава 1. Крыша над Зенской площадью.	9
Глава 2. Особняк Вальдора.	15
Глава 3. Подвал.	26
Глава 4. Первый допрос.	33
Глава 5. Сосед по клетке.	41
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Алекс Бэлл

Воры лунного города. Книга первая

Пролог. Первая кровь.

— Он там! — раздался позади грозный рык. — Схватить его! Он нужен нам живым!

Я скользнул по мокрой черепице, едва не сорвавшись с края, и рывком перелетел на соседнюю крышу. Приземление вышло жёстким: колено отдало болью, сапоги поехали по гладкой поверхности, но я удержался, перекатился через плечо и тут же вскочил на ноги.

Бежать.

Только это и оставалось.

Плащ лип к спине и плечам, тянул назад, будто хотел вернуть меня туда, откуда я только что вырвался. В груди жгло так, словно я вдохнул не воздух, а раскалённую стружку. Каждый вдох резал горло. Камень и черепица после дождя блестели в лунном свете, будто на крышах рассыпали осколки стекла.

Я перемахнул через низкий парапет, с силой оттолкнулся и перелетел на следующий дом.

С крыши на крышу. Через узкие карнизы, мокрые скаты и короткие каменные перемычки. Вниз по служебной лестнице между стенами. В тёмный проход, где пахло сыростью, углём и помоями.

За спиной оставались крики.

И Кай.

Хотя нет. Он не остался. Он был со мной. Верил мне. Шёл следом, не отставая – но не теперь. Его нет.

Болт в плече, зубы стиснуты от боли. Короткий взгляд, полный понимания. Он всё понял. Осознал за тот миг и принял решение. Ладонь в грудь. Резкий толчок. Мой полёт наружу. И второй болт. В горло. И конец. Один миг и его жизнь оборвалась, словно нить.

Я стиснул зубы так, что заныла челюсть, и резко свернул в арку. Позади загрохотали шаги.

— Туда! — рявкнул кто-то.

Слишком близко.

Я рванул быстрее, хотя тело уже начинало сдавать. Правая нога слушалась хуже левой. В боку разливалась тяжёлая горячая боль. Ладонь, которой я совсем недавно цеплялся за карниз, саднила так, будто с неё содрали кожу.

Переулок вывел меня во внутренний двор.

Я узнал его не сразу — только по запаху мокрого сена и по тёмному силуэту конюшни справа. Если пробежать дальше, должен быть проход к южной стене. А оттуда — на крыши ремесленного квартала.

Должен был.

Я вылетел из арки и резко остановился.

Во дворе уже горели два фонаря.

Не те, что забыли погасить. Эти зажгли недавно — специально. Свет ложился так, чтобы резать тьму на ровные полосы. У дальней калитки мелькнула тень. Слева хлопнула дверь.

- Чёрт! - выругался я.

«Ловушка» - промелькнуло в голове. От этой мысли по спине прошёл холод, хотя я и так промок до нитки.

Я рванул влево — в узкий проход между каменной стеной и пристройкой. Там было темнее. Уже. Уже.

Свистнул болт.

Я пригнулся раньше, чем успел подумать. Болт ударил в стену так близко, что мне в щёку брызнули каменные крошки.

Это не погоня, это охота.

Я понял это слишком ясно и слишком поздно.

Проход был тесный — слева мокрая стена, справа бочки под низким навесом. В конце — тяжёлая деревянная дверь, днём ведущая в кухонный двор. Если не заперта — шанс.

Если заперта...

Не стражник в тяжёлой броне. Лёгкий. Быстрый. В тёмной кожаной куртке, с коротким мечом у бедра. Лица не разобрать, только влажный блеск глаз под капюшоном.

Я отшатнулся, пытаюсь отступить, но за спиной уже раздавался стук сапог. Капкан захлопнулся. Я попался.

Человек впереди не бросился на меня, не выхватил оружие. Он просто шагнул ближе, окончательно перекрывая и без того узкий проход. Его голос был спокоен, почти устал, когда он произнёс:

— Хватит. Нам нет выгоды убивать тебя, ты нужен нам живым. Сдашься сам, и тогда, возможно, останешься в живых.

Я невольно усмехнулся.

— Как же...

Рука сама собой скользнула к ножу за поясом.

— Не дури, парень, — сказал тот, заметив это. — Тебе некуда бежать. Даже если сейчас ты сбежишь, тебя найдут.

Я опустил взгляд.

— Знаешь, тот парень, которого вы убили, однажды сказал: когда тебя прижали к стенке, есть только один путь вперёд.

На последних словах я резко качнулся в сторону, будто собирался броситься назад.

Он повёлся. Всего на полшага. Совсем чуть-чуть.

Этого хватило.

Я рванул вперёд.

Дальше всё произошло слишком быстро, чтобы это можно было назвать выбором. Я врезался в него плечом, он схватил меня за ворот, рванул на себя, мы едва не ударились о стену, я вдохнул запах мокрой кожи, пота и железа — и ударил.

Снизу вверх.

Туда, где под рёбрами тело всегда мягче, чем кажется.

Человек хрипнул.

Я тоже.

Мы замерли почти вплотную. Я видел только его рот, резко втянутый воздух, напряжённую шею и глаза, в которых сначала мелькнуло непонимание, а потом — слишком человеческое удивление. Его рука всё ещё держала мой ворот, но пальцы уже слабели.

Я выдернул нож.

На руку брызнуло тёплым.

Он начал оседать, и я подхватил его почти машинально — чтобы не рухнул сразу на камни, не выдал меня шумом, не сделал всё ещё хуже. Или потому, что в ту секунду я всё ещё не верил в то, что только что сделал.

Тело оказалось тяжёлым.

Не как мешок.

Не как преграда.

Как человек.

Сзади кто-то крикнул:

— Он его взял!

Я осторожно опустил мертвеца к стене, почти прислонил, как пьяного, которому стало плохо. Мои пальцы дрожали. На ладони, на рукаве, на костяшках чернела кровь.

Не Кая.

Чужая.

Из-за меня.

И именно тогда, в этой узкой щели между стеной и навесом, я понял с пугающей ясностью: я больше не смогу повторять, что беру только вещи.

Нужно было бежать.

Я рванул к двери в конце прохода и всем весом навалился на неё плечом.

Дерево треснуло.

Не поддалось.

Заперто.

Шаги за спиной были уже совсем рядом.

Я метнулся вправо, прыгнул на ближайшую бочку, оттуда — на навес. Доски опасно прогнулись. Кто-то снизу выругался. Чья-то рука схватила меня за сапог, но пальцы сорвались. Я распластался по краю, ударился рёбрами, зашипел от боли и всё же подтянулся вверх.

Навес вывел меня на низкую стену. За ней — другой двор. Дальше — крыша с крутым скатом.

Я прыгнул.

Приземление вышло кривым. Нога поехала по мокрой черепице, и на миг передо мной остались только чёрное небо и пустота под ним. Я успел вцепиться пальцами в край водостока, повис, ударившись коленом о камень.

Снизу уже кричали:

— На крышу!

— Отрезай справа!

— Не дайте уйти!

Слишком слаженно.

Так не ловят случайного вора. Так перекрывают след, который не должен уйти слишком далеко.

Я подтянулся и снова побежал.

Ветер бил в лицо. Сорванные с крыши капли хлестали по глазам. Город впереди расплывался в серо-чёрной дымке, но я всё ещё знал его достаточно хорошо: где карниз треснул, где можно срезать путь, где между домами разрыв слишком широкий, чтобы рисковать в моём состоянии.

Слева вспыхнул фонарь.

Потом ещё один.

Словно кто-то заранее знал, куда я побегу.

Я резко сменил направление, пересёк гребень крыши, прыгнул на соседний дом, проскользил вниз по скату и едва не сорвался в переулочек. Успел ухватиться за каменный выступ. Плечо прострелило болью до самых зубов.

Внизу кто-то стоял.

Не кричал. Не бежал. Просто ждал.

У меня не было времени думать. Я разжал пальцы и рухнул ниже — на деревянный козырёк лавки. Доски треснули подо мной, одна сразу подломилась. Я ударился боком, перекатился и полетел ещё ниже, уже на брусчатку.

Из груди выбило воздух.

Мир потемнел по краям.

Я попытался подняться, но ноги подвели. Ладонь поехала по мокрому камню, оставляя тёмный след. Где-то рядом застучали сапоги. Потом ещё. И ещё.

Я заставил себя хотя бы встать на колено.

Передо мной в переулок вошли трое.

Один — стражник, мокрый, запыхавшийся, злой. Второй — широкоплечий, в тёмном плаще. Третий держался чуть позади, и именно в нём было что-то хуже всего остального. Он не спешил. Будто не гнался за добычей, а просто пришёл забрать то, что и так уже принадлежало ему.

— Всё, — выдохнул стражник. — Доигрался.

Я попытался поднять нож.

Пальцы не слушались.

Третий шагнул ближе. Лица я не видел — только край воротника, тёмную перчатку и это спокойствие, от которого холодело где-то под рёбрами.

— Живой, — сказал он. — Хорошо.

Просто хорошо.

Не «связать». Не «тащите его». Не «держите крепче».

Как о вещи. О грузе. О посылке, которую не разбили по дороге.

Я хотел спросить про Кая.

Или плюнуть ему под ноги.

Или хотя бы выругаться.

Но во рту был только вкус крови.

Чьи-то руки перевернули меня на спину. Кто-то грубо вывернул запястье. Над крышами дрожал бледный свет луны.

Последнее, что я почувствовал, — холод камня под затылком и липкую кровь на ладони.

Последнее, что понял: это был не провал.

Это была охота.

И всё это время я бежал не от неё.

А внутри неё.

Потом пришла тьма.

Глава 1. Крыша над Зенской площадью.

Солёный, рыбный дух моря плотным покрывалом окутывал Эйденбург. Прибой неистовствовал, глухо колотясь о скалистые берега и подгоняя к порту корабли. Под натиском волн они жалобно скрипели, вторя страху моряков, и рокот воды докатывался даже до городских улиц, залитых холодным лунным светом.

Рабочие, давно закончившие дела, успели забиться в ближайšie пабы или разойтись по домам. Никто не хотел попадаться под этот взгляд — прямой, безжалостный, будто луна и правда заглядывает в душу. Мало кто отваживался выйти наружу в такую ночь.

А мне лунный свет был роднее тёплого солнца, слепящего по утрам.

Скользнув по крыше, я рывком перепрыгнул на соседний парапет и, оттолкнувшись, перелетел на следующую кровлю — легко, почти бесшумно, как тень. Пробежал вдоль карниза и присел на край, глянув вниз: улочки освещали редкие фонари, тщетно пытаясь отогнать тьму. Ветер трепал волосы; с каждой секундой он крепчал.

— *Стоит ли идти?* — *разрезал тишину знакомый голос.*

Я невольно улыбнулся.

— Может, и нет, — ответил я, подняв взгляд к луне. — Но я не брошу друга.

— *Разве хороший друг не должен сделать всё, чтобы товарищ не вляпался в беду?* — *не унимался голос.*

— Должен, — согласился я. — Но ты же знаешь: Кай всегда был глух к голосу разума.

Я повернулся, чтобы посмотреть на собеседника.

Он сидел на самом краю крыши, свесив ноги в пустоту, будто высота была для него обычной скамьёй у дома. Молодой — слишком молодой для того, кем он был. Луна просеивалась сквозь его тело, делая силуэт прозрачным, как тонкое стекло, — и всё же он оставался узнаваемым до боли: линия подбородка, привычка держать плечи ровно, спокойная, почти домашняя улыбка, которой он когда-то разряжал любой страх.

— Лучше ответьте, наставник... зачем вы здесь? — продолжил я, заставив голос звучать ровнее, чем чувствовал.

Он повернул голову, чуть наклонил её и всё с той же безмятежной улыбкой произнёс:

— *Пришёл?! Разве это правильное слово для того, кто, в сущности, тут не должен быть?*

Я усмехнулся.

— Вы, как всегда, правы. Прошло семь лет, а вы всё тот же. Даже сейчас продолжаете учить меня.

— *Кто-то же должен,* — *без тени сарказма ответил он.*

Семь лет.

Семь лет с той ночи, когда я стоял над его телом и не мог понять, как мир вообще смеет продолжать двигаться. Семь лет с похорон, на которых Братство Теней не появилось, — но я почему-то был уверен: они знали. Они всегда знают.

И вот он снова здесь. Не воспоминание, не сон, не голос в голове после дешёвого вина. Он занимал место в пространстве, отнимал у этой крыши часть реальности.

Что же... в одном он был прав: «пришёл» — слишком живое слово.

И всё равно я был рад видеть его вновь. Рад — и зол одновременно, как бывает, когда тебе возвращают то, что ты уже научился терять.

Наставник. Всё тот же, что и семь лет назад.

Он был облачён в слегка потрёпанную робу, края которой развевались на ветру. Лицо — молодое, почти без возраста, но взгляд выдавал то, чего не могла выдать кожа. Голубые глаза смотрели на меня без укора. В них не было осуждения — лишь тревога и искреннее

беспокойство. И всё же в глубине взгляда лежала тяжесть прожитых лет, будто даже после смерти он продолжал видеть вещи, которых живым видеть не положено.

— *Забыл, чему я учил тебя?* — продолжил он, и в голосе вдруг проскользнуло заметное напряжение. — *Чем больше риск — тем выше вероятность провала.*

— И тем больше денег, — с кривой ухмылкой закончил я за него.

— *Что есть, то есть,* — он улыбнулся на миг, но тут же снова стал серьёзным. — *Только, боюсь, на этот раз награда не оправдывает цену.*

— Пусть так. Но вы учили меня и другому правилу: взялся за заказ — либо доведи его до конца, либо избавься от всех свидетелей. — Я вскочил на ноги. — А я не убийца. И Каю не дам стать таким.

Ветер усилился. Луна вынырнула из облаков, и на миг город внизу стал резче: мокрые крыши, чёрные провалы переулков, тонкие нитки улиц, ведущие к порту. В таких видах есть ложная честность: кажется, будто всё под контролем, будто ты видишь всю картину.

Я плотнее запахнул плащ. Эйденбург умел быть суровым — особенно к тем, кто держится на задворках.

— Вы так и не ответили, наставник, — сказал я, с трудом удерживая раздражение. — Зачем вы здесь? Почему... почему именно сейчас?

Он поднял голову к луне, так ярко освещавшей эту ночь.

— *Ты только взгляни на неё. Столь прекрасное создание — и всё же идёт бок о бок с такими, как мы.*

— Вы правы: она прекрасна, — я улыбнулся и на мгновение тоже поднял глаза к небу. Уже через секунду опустил взгляд. — Но всё же... почему?

Он медленно встал с края крыши. Движение было естественным — и оттого особенно неправильным. Его стопы не издали ни звука. И всё же черепица под ним будто чуть темнела от холода.

Он подошёл ближе — не касаясь меня, но так, что я снова ощутил тот самый пустой холод, как от раскрытой могилы.

— *Потому что ты опять собираешься назвать это «работой»,* — сказал он. — *А потом будешь удивляться, что у любой работы есть цена.*

— Вы правы, — устало выдохнул я. — Но, как я уже сказал, я не брошу друга.

Наставник смотрел на меня долго. И в этом взгляде было всё сразу: печаль, гордость, предупреждение... и что-то ещё, едва уловимое — словно он хотел сказать «тогда прости», но не имел права.

— *Тогда иди,* — произнёс он наконец. — *И сделай всё так, чтобы дело прошло гладко.*

Я кивнул, но не двинулся с места.

— Вы говорите так, будто уже знаете, чем всё закончится.

Он едва заметно качнул головой — словно отгонял мысль, которую нельзя произносить вслух.

— *Я знаю только одно,* — сказал он тихо. — *В эту ночь ты услышишь много обещаний. Не верь словам. Смотри на то, что люди скрывают. И на то, что они готовы купить чужой кровью.*

Ветер толкнул нас обоих — точнее, меня одного. Его одежда почти не шелохнулась, хотя края робы всё так же развевались, будто ветер существовал для него по привычке.

— *И ещё,* — добавил наставник и впервые отвёл взгляд, посмотрев куда-то мимо меня, в город. — *Если придётся выбирать... не называй это расчётом. Назови это честностью.*

— Между чем выбирать? — спросил я.

Он снова посмотрел на меня, и в его глазах на секунду промелькнуло что-то очень человеческое — усталость.

— Ты поймёшь, когда увидишь, как быстро «свои» становятся чужими, — ответил он.
— И как легко «чужие» умеют выдавать себя за своих.

Снизу, из переулка, донёлся условный свист — короткий, предупредительный, наш: два коротких, один длинный. Мы с Каем придумали его ещё в приюте.

Кай был где-то рядом.

Я машинально сжал ремень плаща.

— Он ждёт, — сказал наставник, будто тоже услышал сигнал. — И он пойдёт, даже если ты остановишься.

— Я не останавлиюсь, — глухо ответил я. — Я просто хочу, чтобы он вышел из этого живым.

Наставник чуть улыбнулся — не той домашней улыбкой, что успокаивала, а другой: короткой, печальной.

— Тогда иди, — повторил он. — Пока тебя не догнала цена.

Я кивнул и уже хотел что-то сказать, как вдруг позади жалобно скрипнула черепица. Я обернулся.

В лунном свете мелькнула фигура — и в следующую секунду на крышу мягко приземлился ещё один силуэт. Лицо скрывал капюшон, но я и так знал: взгляд уже прочёсывает окрестности. Кай всегда сначала искал угрозу — и только потом улыбался.

— Опаздываешь, — бросил я и, почти машинально, повернулся туда, где только что стоял наставник.

Пусто. Словно его и не было.

— Лучше опоздать, чем попасться, — ответил Кай, подходя ближе и скидывая капюшон.

Как всегда, с его лица не сходила улыбка — зубы сверкнули в лунном серебре. Голос у него был мягкий, чуть игривый, словно каминный огонь. Иногда казалось, что этой мягкостью он отгораживается от всего, что не хочет помнить.

Я всё ещё смотрел на пустое место у края крыши. Сделал шаг — и замер.

На черепице, где мгновение назад сидел наставник, проступила тонкая белёсая кайма, будто кто-то провёл по камню пальцем, оставив след инея. В такую сырую, морскую ночь иней держаться не должен.

Я присел и коснулся края следа.

Холод был не ночной — чужой. Глубокий, как из подвала. Как из земли.

— Эй, ты чего? — Кай прищурился, проследив за моим взглядом. — Увидел что-то?

Я быстро выпрямился и сжал пальцы, чтобы не выдать, как они онемели.

— Показалось, — сказал я. — От ветра.

Кай посмотрел на черепицу, задержался на следе на долю секунды и, как всегда, выбрал простое объяснение.

— Ну да. Море сегодня злое, — буркнул он и поправил ремень через плечо. — Ладно. Ночь не будет ждать, пока ты споришь с воздухом.

Я фыркнул.

— Это я-то спорю с воздухом?

— А с кем ещё? — ухмыльнулся он. — С крышами ты сегодня вроде уже помирился.

Он скинул капюшон, и луна легла ему на лицо. Как всегда, Кай улыбался так, будто нас ждало не дело в чужом доме, а удачная прогулка. Голос у него был мягкий, чуть игривый, и иногда казалось, что этой мягкостью он отгораживается от всего, что не хочет помнить.

— Так что за «подарок» нам подсунуло Братство? — спросил я.

Кай сунул руку под плащ и вытащил сложенный лист.

— Особняк лорда Вальдора, — сказал он, разворачивая план. — Один коллекционер хочет вещицу из его галереи. Берём артефакт, уходим, получаем деньги. Красота.

— Вальдор? — Я посмотрел на него. — Серьёзно?

— А что?

— Ты вообще слушал наставника, когда он вдалбливал нам имена людей, к которым лучше не лезть?

Кай состроил невинное лицо.

— Я предпочитал практику теории.

— Это заметно.

Я покачал головой.

— Лорд Вальдор — не просто богатый старик с дурным вкусом. Он один из самых влиятельных людей в городе. Коллекционер редкостей. Параноик. И, что хуже, жестокий хозяин. У него не пропадают вещи — у него пропадают люди.

Ухмылка на лице Кая стала чуть тоньше.

— Тем интереснее, — сказал он, но уже без прежней лёгкости.

— Мне не нравится, когда заказчики не говорят, что именно мы крадём.

— Голубая сфера. Или жемчужина. Что-то вроде того, — пожал плечами Кай. — Под стеклянным куполом в галерее. Подробностей не дали.

— Конечно не дали, — буркнул я. — А охрана?

— По плану двое у ворот, трое патрулируют двор. Дом на холме. Два входа — парадный и чёрный. Через чёрный и пойдём.

Я протянул руку, и он отдал мне план. Бумага была сухой, хорошей, слишком хорошей для обычной передачи. Я быстро пробежался глазами по схеме.

— Комнаты прислуги в восточном крыле, — сказал я. — Кухня рядом. Если повезёт, ночью там будет тихо.

— Вот видишь? — оживился Кай. — Я же говорил: лёгкие деньги.

Я поднял на него взгляд.

— Кай, лёгкие деньги обычно пахнут тяжелее всего.

Он тихо рассмеялся.

— Ты ужасно умеешь подбадривать.

— А ты ужасно умеешь не лезть в пасть зверю, если тебе за это пообещали мешок монет.

— Зато пока работает.

— Пока.

Он фыркнул и спрятал план обратно под плащ.

Снизу, на Зенской площади, ветер гонял клочья тумана. Где-то хлопнула ставня. Из кабака на углу донёсся пьяный смех и тут же захлебнулся, будто ночь проглотила его без следа.

Мы двинулись вдоль крыш, держась в тени. Кай шёл легко и уверенно, как человек, которому везло слишком часто, чтобы начать в этом сомневаться. Я — чуть позади, считая шаги, углы, расстояния между карнизами. Если считаешь — значит, контролируешь. А если контролируешь, не паникуешь.

По крайней мере, я пытался в это верить.

— Зачем мы вообще в это ввязались? — спросил я, когда мы перескочили через узкий проулок.

— Это я ввязался, — отозвался Кай. — Ты мог отказаться.

— И отпустить тебя одного к Вальдору?

— Мог бы.

Я покосился на него.

— И через полчаса вытаскивать твой труп из фонтана?

— Ты ужасно высокого мнения о моих талантах.

— Наоборот. Я очень точно знаю пределы твоего здравого смысла.

Кай засмеялся — тихо, беззлобно.

— Вот поэтому я тебя и взял.

— Как благородно.

— Не благородно. Практично. Ты замечаешь то, мимо чего я прохожу.

— А ты проходишь мимо слишком многого.

— Зато красиво.

Я не удержался и хмыкнул.

Так всегда и было. Кай шёл вперёд первым, будто ночь существовала ради него. Я — на полшага в стороне, чтобы успевать замечать то, что могло нас убить. Он открывал двери. Я следил, чтобы за ними не стояли люди с ножами.

По отдельности мы были просто ловкими ворами.

Вместе — почти хорошей идеей.

Минут через пятнадцать город вокруг начал меняться. Крикливые, тесные кварталы остались позади. Здесь было меньше грязи, меньше голосов, больше камня и кованого железа. Богатые улицы не были теплее бедных — просто смерть здесь обходилась дороже.

На вершине холма темнел особняк Вальдора.

Высокие окна, башенка, тяжёлая крыша — всё в нём напоминало зверя, который делает вид, будто спит. Свет горел только в одном окне.

Кай проследил за моим взглядом.

— Похоже, не спит, — шепнул он.

Я не ответил. Свет в окне горел слишком ровно. Без дрожи, без случайного движения теней.

Будто его оставили не для хозяина.

А для тех, кто смотрит снаружи.

Мы прижались к стене соседнего дома и ещё с минуту наблюдали за владениями Вальдора. Высокая ограда. Кованые пики. Каменные столбы. Живая изгородь, аккуратная, как нож.

У ворот стояли двое.

Ещё трое шли по двору.

Обычный взгляд ничего бы не заметил. Но я слишком долго жил ночами, чтобы путать стражу с людьми, которым темнота привычнее света. Они двигались без лишних слов, без фонарей, ровно, слаженно. Не разболтанный городской дозор и не наёмная пьянь.

— Видишь? — тихо спросил я.

Кай прищурился.

— Вижу. И что?

— Они слишком собранные.

— Ты сейчас скажешь, что тебе это не нравится?

— Мне не нравится всё, что умеет молчать строем.

Кай усмехнулся, но без прежней лёгкости.

Я смотрел дальше.

— Ещё раз, — сказал я. — Что у нас по плану?

Он быстро ответил, уже без шуток:

— Чёрный ход. Через кухонный двор. Потом коридор, кухня, лестница на второй этаж.

Галерея там.

— Хорошо. Если внутри что-то не так — не играем в героев. Берём только если путь чистый. Если нет — уходим.

Кай покосился на меня.

— Ты это говоришь так, будто надеешься, что я соглашусь.

— Я это говорю так, будто хочу, чтобы мы оба вышли отсюда живыми.

Он на секунду замолчал.

Потом кивнул.

— Ладно. Без геройства.

Я протянул руку.

Он посмотрел на неё, фыркнул, но всё же ударил по ладони своей — коротко, по старой привычке.

Сделка.

Не с Братством.

Между нами.

— И ещё одно, — сказал я. — Если дело потребует резать людей, значит, это уже не наше дело.

Кай посмотрел на меня внимательнее, чем раньше.

— Зак...

— Нет. Серьёзно. Мы берём вещи. Не жизни.

Он вздохнул, но спорить не стал.

— Хорошо, — сказал он. — Мы не мясники.

Только после этого я кивнул в сторону ограды.

— Тогда пошли.

Кай первым сорвался с места, легко перемахнул на низкий выступ стены соседнего дома и бесшумно двинулся вдоль тени. Я — следом за ним.

Ветер с моря ударил в лицо.

Где-то далеко внизу рокотал прибой.

А впереди, за оградой, ждал тёмный дом, который уже казался мне слишком тихим.

Глава 2. Особняк Вальдора.

Мы дождались, пока двое у ворот отвернутся друг от друга ровно настолько, чтобы между их взглядами возникла слепая щель, и соскользнули вниз.

Мокрый камень ограды ободрал ладони. Кай перемахнул первым, легко, как кот. Я — следом, но медленнее, выбирая, куда ставить ногу. С другой стороны нас встретили влажная земля, запах стриженных кустов и слишком аккуратная тишина богатого двора.

Мы пригнулись и ушли в тень изгороди.

Вблизи особняк казался ещё тяжелее, чем с улицы. Высокие стены, тёмные окна, узкие каменные выступы, на которых даже дождю было не за что зацепиться. Свет и вправду горел только в восточном крыле первого этажа — тёплый, глухой, как у лампы, оставленной для прислуги.

Кай тронул меня за локоть и коротко указал вперёд.

Трое патрульных.

Они двигались через двор не спеша, но и без вальяжности. Слишком ровно. Я проследил за их шагом, за тем, как один чуть поворачивает голову раньше, чем второй доходит до угла, как третий не смотрит по сторонам — потому что и так знает, что должен увидеть.

Мне это не нравилось.

Но мы уже были внутри.

Патруль прошёл мимо. Мы выждали два удара сердца и двинулись дальше — вдоль стены, через тень от голой яблони, мимо каменной скамьи, на которую никто не сел бы в такую ночь. К боковой части дома, откуда можно было выйти к служебному двору и чёрному входу.

Двор встретил нас тишиной и запахом мокрой соломы. Где-то рядом скрипнула ставня — или мне показалось. Я застыл, прислушиваясь.

У боковых ворот служебного двора стояли двое. Они переговаривались вполголоса, будто боялись, что дом услышит их даже через камень.

— Знаешь, Грейв... сколько ни служу, а каждый раз этот дом меня в дрожь бросает, — напряжённо прошептал один.

— Согласен, — кивнул второй, перехватывая алебарду. — Бывает, засмотрюсь — и поджилки трясутся. Холодом тянет... страх, одним словом.

— Вот-вот, — первый судорожно закачал головой. — А ещё парни рассказывали: иногда в полночь, когда стоишь у галереи, слышали из кабинета хозяина крики... а потом — свечение. Такое яркое, что глаза слезятся.

— Эй. Чего болтаем? — прогремел голос из темноты.

Оба дёрнулись и выпрямились, как по команде.

— Командир!

Из тени вышла грузная фигура — в полной броне, с короткой бородкой. Правая ладонь лежала на рукояти меча не для вида. Он остановился так, чтобы свет фонаря зацепил ремень, и я поймал знакомый отблеск на пряжке — завитки, складывающиеся в морду пса.

У меня внутри неприятно щёлкнуло.

— Чего болтаем, спрашиваю? Делать нечего? — проревел он.

— Никак нет, командир! — отрапортовали оба.

— Вот и хорошо. Меньше языком — меньше проблем, — голос чуть стих, но от этого стал только опаснее. — Если хозяин услышит — вам несдобровать.

— Есть!

Командир мотнул головой, и патруль двинулся дальше — мерно, без суеты, как заведённый механизм.

Я медленно выдохнул и повернулся к Каю.

— Ладно. Идём, — прошептал я.

Кай кивнул, и мы двинулись дальше, держась тени ограды. Обогнули дом и остановились напротив чёрного входа.

— Пёс? — спросил я одними губами.

Кай едва заметно кивнул в сторону тёмного угла, где у будки белела в лунном свете цепь.

— Там.

Мы осторожно подошли к двери. Низкая, служебная, с железной накладкой. Замок и правда выглядел простым — как для бедных районов. Для Вальдора — почти насмешка.

Или приманка.

Я присел, вынул отмычки и вставил тонкий крючок в скважину.

Секунда. Другая. Щелчок. Ещё один.

— Тихо, — прошептал Кай.

Будто в ответ из темноты донёсся низкий, глухой рык.

Я замер, не дыша.

Рык повторился — ближе. Цепь звякнула.

Цепь — это хорошо. Цепь означает предел. А вот что стоит на другом конце — это уже всегда вопрос удачи.

— Не нравится мне это, — прошептал я.

— Мне тоже, — ответил Кай и осторожно потянулся к карману. — Но у меня есть...

Он не договорил.

В доме, прямо над нами, хлопнула дверь. Послышались шаги — тяжёлые, уверенные. И чей-то голос, приглушённый стенами:

— ...проверить двор. Сейчас.

Кай медленно поднял на меня глаза. В них уже не было прежней лёгкости.

— Зак, — шепнул он, — быстро.

Я стиснул зубы и сильнее надавил на инструмент.

Замок был не сложный, но ухоженный. Не из тех, что ставят ради вида. Я чувствовал под пальцами, как внутри двигаются пластины, как пружина чуть упирается, как металл цепляется за металл.

Ещё поворот.

Короткая пауза.

Щелчок.

Я замер.

Прислушался.

Шаги над нами не приближались. Пёс больше не рычал — и это было почти хуже.

Я приоткрыл чёрный ход ровно настолько, чтобы проскользнуть в щель. Кай вошёл следом и осторожно прикрыл дверь.

Внутри пахло золой, хлебом, мокрой древесиной и дорогими специями. Узкий коридор вывел нас к кухне. За стеной слышались голоса.

Мы прижались к косяку.

Мимо прошли две служанки, переговариваясь шёпотом. Одна жаловалась на господский нрав, вторая — на холод в прачечной. Обе звучали устало и слишком тихо, будто в этом доме даже жаловаться приходилось вполголоса. Следом раздался другой голос — сухой, резкий. Дворецкий. Он отчитал их за медлительность и погнался дальше.

Мы дождались, пока шаги стихнут.

Я выглянул в коридор. Пусто.

Кивнул Каю.

Мы проскользнули к лестнице.

На стенах висели портреты. Вальдор, судя по всему, любил не только редкости, но и собственный род. Мужчины с тяжёлыми подбородками, женщины с такими холодными глазами, будто их писали зимой. Под чужими взглядами идти было неприятно.

Кай, как и ожидалось, первым нарушил тишину.

— Если у него все предки такие же весёлые, я начинаю понимать, почему он собирает камни, — шепнул он.

— Тише.

— А что? Они всё равно не обидятся.

Я не удержался и краем рта усмехнулся.

На втором этаже воздух был суше и холоднее. Кай почти не глядя свернул влево.

— Галерея там, — шепнул он.

— Откуда такая уверенность?

Он сунул руку в карман и продемонстрировал мне ключ.

Я моргнул.

— Откуда он у тебя?

— Братство расщедрилось.

— Или кто-то очень хотел, чтобы мы дошли именно досюда.

Кай скорчил мину.

— Иногда ты звучишь так, будто у тебя в голове поселился старый зануда.

— Иногда? Лестно.

Он беззвучно вставил ключ в замочную скважину.

Раздался тихий скрип.

Дверь отворилась.

Перед нами была галерея Вальдора.

Даже я на миг забыл, как дышать.

Комната была широкой, вытянутой, с высоким потолком. Вдоль стен тянулись полки со старыми книгами в кожаных переплётках. Под стеклянными куполами на низких подставках лежали драгоценные камни, амулеты, резные фигурки, засохшие морские создания, чьих названий я не знал. На стенах висели картины, тускло блестели рамы. И в центре, на отдельном постаменте, под прозрачным куполом, покоилась голубая сфера.

Она и вправду напоминала жемчужину — только слишком большую и слишком ровную. Внутри будто медленно плавал бледный свет.

Кай тихо присвистнул.

— Ну вот. А ты говорил — не повезёт.

— Я говорил, что мне это не нравится.

— А мне нравится всё больше.

Он двинулся к постаменту.

Я не сразу пошёл следом. Что-то царапнуло меня изнутри — не звук даже, а отсутствие звука. Такая комната должна была дышать иначе. Дорогие вещи, стекло, дерево, дом, где люди спят наверху и внизу... И всё же здесь было слишком тихо. Будто галерея не жила вместе с домом, а была от него отрезана.

— Кай.

Он уже стоял у постамента.

— Что?

— Подожди.

— Зак, это шар под стеклом, а не дракон.

— Именно это мне и не нравится.

Я оглядел комнату ещё раз. Ковёр. Книжные полки. Два высоких окна. Ни пыли на стеклянном куполе, ни случайной мелочи, ни следа того беспорядка, который всегда оставляют люди. Слишком подготовленное пространство.

Кай нетерпеливо качнул головой.

— Если ты сейчас начнёшь спорить с мебелью, я уйду с добычей без тебя.

И, не дожидаясь ответа, выхватил из-за пояса короткий молоточек — тот самый, который таскал с собой даже туда, где он был совершенно не нужен.

— Кай...

Стекло лопнуло с сухим, звонким треском.

Он подхватил сферу обеими руками.

В тот же миг дом проснулся.

Где-то совсем рядом хлопнула дверь. Из коридора донеслись крики.

Снизу загрохотали сапоги.

Кай вскинул голову.

— Ну вот, — выдохнул он. — Теперь и мне не нравится.

— Окно, — сказал я.

Не обсуждая, не споря. Просто схватил его за плечо и потянул к правой стене, где между двумя шкафами темнело высокое окно. Где-то за дверью уже звучали голоса — слишком близко, слишком быстро.

Слишком быстро для случайной тревоги.

Я врезался в окно плечом.

Стекло разлетелось наружу. Ночной воздух ударил в лицо. Я вывалился на мокрый карниз, едва удержался, тут же подтянулся и перескочил на скат крыши пристройки. Кай выскок следом, прижимая сферу к груди.

Позади, в галерее, уже появились люди.

— Взяли бы ещё ковёр! — процедил Кай, когда мы скатились ниже и перемахнули на крышу соседнего крыла.

— Заткнись и беги.

Мы неслись по черепице, через каменные выступы, через две хозяйственные постройки, потом — на ограду, а оттуда на соседний дом. За спиной кричали. Во дворе вспыхивали фонари.

Но никто не стрелял.

Я заметил это не сразу.

Слишком много людей, слишком близко, слишком хороший обзор — и никто не стреляет.

Только гонят.

— Слева! — крикнул я.

Мы свернули на другую крышу, ушли через узкий карниз, скатились на плоскую кровлю мастерской, потом пересекли переулок по висящей между домами сушильной балке. Кай смеялся — коротко, срывая дыхание, как всегда смеялся после удачной кражи.

И это было почти нормально.

Почти.

Когда особняк остался позади на несколько кварталов, мы наконец замедлились. Ещё через две крыши — остановились на широкой кровле над Зенской площадью, где не раз пережидали после дел, чтобы перевести дыхание и убедиться, что хвоста нет.

Кай первым плюхнулся на карниз, свесив ноги вниз. Голубую сферу он по-прежнему прижимал к груди, будто боялся, что она сейчас вырвется и сама побежит обратно к хозяину.

— Ну что? — выдохнул он, ухмыляясь. — Всё ещё хочешь сказать, что это была плохая идея?

Я согнулся, упёрся ладонями в колени и попытался выровнять дыхание.

— Я хочу сказать, — прохрипел я, — что ты когда-нибудь сдохнешь из-за своей любви к эффектным выходам.

— Зато красиво, — ухмыльнулся Кай.

Я поднял голову и посмотрел на него.

Луна серебрила его волосы, ветер трепал полы плаща, а на лице у него было то самое выражение — живое, довольное, чуть нахальное, — за которое я одновременно хотел его ударить и был готов лезть за ним в любой ад.

— Покажи, — сказал я.

— Что?

— Добычу, идиот. Или ты собираешься обнимать её до утра?

Кай фыркнул, но всё же поднял сферу на ладонях.

Вблизи она выглядела ещё страннее. Голубоватый свет внутри не пульсировал, не мерцал, а будто плавал в толще стекла или камня — медленно, лениво, словно что-то живое спало под гладкой поверхностью.

— И ради этой штуки они подняли на ноги весь дом, — пробормотал я.

— Значит, штука дорогая, — беззаботно ответил Кай.

— Или слишком важная.

Он покосился на меня.

— Ты сегодня решил испортить вообще всё?

— Я сегодня решил дожить до утра.

Кай тихо рассмеялся, потом опустил сферу рядом с собой на карниз и потёр шею.

— Ладно, признаю, — сказал он. — Когда стекло треснуло, а в коридоре сразу заорали, даже я понял, что нас там, похоже, не совсем случайно ждали.

Я выпрямился.

— Вот именно.

— Но мы же ушли.

— Пока да.

Он посмотрел на меня внимательнее.

— Ты серьёзно думаешь, что это была ловушка?

Я помедлил.

Ветер тянул с площади влажный холод. Внизу всё было спокойно: редкие фонари, мокрая мостовая, тёмные окна. Город снова делал вид, что спит.

— Не знаю, — честно ответил я. — Но слишком многое сходится плохо. Слишком простой вход. Ключ от галереи. Слишком быстрая тревога.

Кай пожал плечами.

— Может, Братство просто в этот раз знало, что делает.

Я хмыкнул.

— Вот это и настораживает сильнее всего.

— О, — оживился он, — значит, ты всё-таки умеешь шутить после дела.

— Редко. Не привыкай.

Кай усмехнулся и откинул голову назад, глядя на луну.

— Знаешь, — сказал он после короткой паузы, — если продадим эту штуку удачно, я, может, и правда залягу на дно на пару месяцев.

— Неужели.

— Да. Сниму комнату получше. Без крыс. Без сквозняка. Может, даже с окном на море.

— А потом через три дня полезешь в чей-нибудь сейф, потому что тебе станет скучно.

— Через пять, — поправил Кай. — Я всё-таки умею отдыхать.

Я невольно усмехнулся.

Такой он и был. Всегда говорил о будущем легко, будто оно уже лежит у него в кармане вместе с отмычками.

— А ты? — вдруг спросил он. — Что бы сделал с деньгами?

Я замер на секунду.

— Ничего особенного.

— Врёшь.

— Хорошо. Снял бы мастерскую.

Кай повернул голову.

— Мастерскую?

— Ну да. Маленькую. Где-нибудь не у самой воды. Чинил бы замки, часы, всякую мелочь. То, что не требует бегать по чужим крышам.

Он смотрел на меня с таким неподдельным изумлением, будто я только что признался в любви к церковным гимнам.

— Зак, это звучит ужасно скучно.

— В этом и смысл.

— И что, совсем без воровства?

Я пожал плечами.

— Может, только по праздникам.

Кай расхохотался — тихо, но искренне.

— Нет, — сказал он, отсмеявшись. — Не выйдет. Ты слишком любишь ночь.

— Я люблю дышать. Пока что этого достаточно.

Он хотел что-то ответить, но вместо этого просто покачал головой и улыбнулся — мягко, почти по-братски.

Несколько минут мы молчали.

Я сел рядом, но не слишком близко. Так было привычнее. Ветер тянул солью. Где-то вдалеке глухо рокотало море. Из какого-то далёкого переулка донёсся смех, потом стук закрывшейся двери. Обычная ночная жизнь города, в которой всё снова будто вставало на свои места.

Кай подбросил сферу на ладони и снова поймал.

— Не делай так, — резко сказал я.

— Да ладно тебе.

— Я серьёзно.

— Хорошо, хорошо.

Он опустил сферу обратно и покосился на меня.

— Ты всё ещё на взводе.

— Потому что кто-то из нас двоих обязан думать.

— А кто-то обязан делать жизнь сносной.

Я хотел привычно огрызнуться, но не успел.

Что-то изменилось.

Не звук. Не движение.

Скорее, само пространство вокруг стало чуть теснее. Как будто в привычной тишине появилась лишняя тяжесть. Почти незаметная — если бы я не знал ночной город слишком хорошо, то, может, и пропустил бы.

Я медленно выпрямился.

— Что? — тихо спросил Кай.

Я не ответил сразу.

Внизу площадь лежала в серебристой луже лунного света. Несколько редких фонарей, мокрый камень, тёмные линии улиц. Всё как прежде.

И всё же теперь я чувствовал это ясно.

Чьё-то присутствие.

Не рядом. Пока ещё нет.
Но достаточно близко, чтобы тело уже поняло раньше разума.

— Вставай, — сказал я.

Кай нахмурился.

— Что случилось?

Я окинул взглядом соседние крыши, карнизы, тёмные провалы между домами.

Слишком спокойно.

Слишком пусто.

Слишком удобно.

— Просто вставай, — повторил я уже жёстче.

Кай быстро подобрался. Улыбка исчезла с его лица. Он схватил сферу и поднялся на ноги.

— Зак...

Я обернулся на какой-то шорох — слишком поздно, потому что в следующий миг ночь рассёк короткий свист.

Кай дёрнулся.

Смех, тепло, дыхание — всё оборвалось разом.

Я уже знал, что увижу, ещё прежде, чем повернулся к нему.

Болт вошёл ему в шею.

Кай схватился за горло, глаза широко распахнулись — не от страха даже, а от чистого, невозможного удивления. Будто мир только что нарушил правило, в которое он верил слишком долго.

— Кай!

Я рванулся к нему, но он уже заваливался назад. Изо рта вырвался хрип, тёмный на лунном воздухе. Его пальцы соскользнули с края карниза. Сфера вылетела из рук, ударилась о камень и откатилась в сторону.

Я успел только коснуться его запястья.

И не удержал.

Кай сорвался вниз.

На соседней крыше появились трое.

Один стоял с арбалетом. Двое других держали клинки — тонкие полосы стали в лунном свете. И, хуже всего, по их лицам было видно: что-то пошло не так.

Арбалетчик опустил оружие на пол-ладони и выдохнул:

— Проклятье...

— Я же сказал — брат живым! — прошипел один из двоих.

— Он дёрнулся!

— А второй? Второго не упустите!

Меня будто ударили ещё раз — уже не в тело, а куда-то глубже.

Они не должны были убивать Кая.

Они ждали нас.

Ждали после дела.

Ждали живыми.

Я шагнул назад.

Один из них уже рванулся вперёд.

И только тогда я развернулся и побежал.

Отступление первое.

— Господин.

Голос прозвучал негромко, но слишком резко для этого кабинета. Тишина здесь была дорогой вещью: её не нарушали без причины и уж точно не с таким лицом.

Дверь распахнулась, и на пороге появился молодой человек в тёмном камзоле. Кончики тёмно-каштановых волос касались плеч, серо-голубые глаза лихорадочно блеснули в свете лампы. Варро успел сделать два шага внутрь, прежде чем понял, что вбежал, а не вошёл, и сразу же поклонился глубже, чем требовал обычай.

За письменным столом сидел Кригт Эрвол.

Он не поднялся. Только оторвал взгляд от бумаг. В пальцах у него ещё оставалось перо, на столе лежал раскрытый счётный журнал, но внимание уже целиком принадлежало вошедшему — тяжёлое, холодное, лишённое всякого человеческого нетерпения. Так смотрят на дверь камеры, когда за ней скребётся что-то, что придётся впустить.

— Что случилось? — спросил он.

Варро сглотнул.

Он знал этот голос. Не громкий. Не злой. Хуже: в нём ещё не было раздражения, а значит, оно могло появиться в любую секунду.

— Простите за вторжение, господин. Новости из дома Вальдора.

Кригт едва заметно повёл подбородком.

Говори.

— Ловушка сработала, — сказал Варро быстро, стараясь не запнуться на первом же слове. — Всё началось, как было задумано. Как только вор взял сферу, тревогу подняли сразу. Галерею перекрыли, люди были на местах, выходы под наблюдением. Их повели на крыши — без лишнего нажима, чтобы не сломать маршрут.

Кригт слушал молча.

Варро чувствовал, как собственный голос начинает звучать ему чужим.

— Их было двое, господин. Не одиночка. Один забрал сферу, второй шёл рядом. Из галереи они вышли через окно, как и ожидалось. Люди Вальдора держали дистанцию. Засада у площади заняла место вовремя.

Он остановился.

Всего на вдох.

Этого оказалось достаточно, чтобы в комнате стало холоднее.

— Дальше, — сказал Кригт.

Варро опустил взгляд на край стола.

— На площади произошёл срыв. Арбалетчик выстрелил раньше команды.

Перо в руке Кригга не дрогнуло. Но Варро уже знал, что это ничего не значит.

— И? — спросил Кригт.

— Целились не на поражение. Хотели сбить, обездвигить. Но вор дёрнулся... Болт вошёл в шею.

Молчание после этих слов не было тишиной. Оно легло в кабинет тяжёлым, почти осязаемым слоем.

— Который? — произнёс Кригт наконец.

Варро ответил не сразу.

— Тот, что нёс сферу.

Что-то изменилось.

Не в лице Кригга — оно осталось почти неподвижным. Не в голосе — он по-прежнему молчал. Но сам воздух будто собрался вокруг него плотнее, жёстче, словно комната на миг решила, что лучше бы ей стать меньше.

Кригт медленно положил перо на стол.

Очень аккуратно.

— То есть, — сказал он, — люди, получившие один-единственный важный приказ, сумели испортить именно его.

— Да, господин.

— Похвально.

Варро промолчал.

Он давно служил у Кригга и знал: когда хозяин начинает говорить так спокойно, лучше не пытаться ни оправдываться, ни помогать ему гневаться. Всё уже произошло. Остаётся только считать, сколько это будет стоить.

Кригг поднялся из-за стола и подошёл к окну.

Во дворе внизу двигались огни факелов. Люди пересекали тьму быстрыми линиями, стали кивались, исчезали за арками, снова возникали. Обычная суэта после плохо проведённой ночной работы: много ног, много приказов и ни одного способа отмотать несколько минут назад.

— Второй? — спросил Кригг, не оборачиваясь.

— Ушёл с крыши, — ответил Варро. — Некоторое время его вели, потом он сорвался при переходе через навес над двором мастерской. Потерял сознание. Наши подняли его раньше, чем кто-то из городских успел подойти.

— Жив?

— Да, господин. Ранен, но жив. Сейчас под замком.

— Сфера?

— У нас. Её подобрали почти сразу. Сейчас спрятана отдельно.

Кригг кивнул.

— Хорошо.

И снова — в этом слове не было облегчения. Только сухая отметка: предмет не потерян, ущерб не полный.

Он постоял ещё несколько секунд, глядя во двор, затем спросил:

— Тело проверили?

— Да. Тот парень мёртв.

Кригг прикрыл глаза и чуть склонил голову, будто слушал не слугу, а какую-то внутреннюю, не слишком приятную мысль.

— Значит, — произнёс он наконец, — сфера вернулась ко мне, а нужный человек — нет.

Варро ничего не ответил.

Это была не та фраза, на которую отвечают.

Кригг развернулся.

— Имя пленника?

— Пока не установили. При нём не было ничего, что помогло бы сразу. Но по снаряжению и манере работы это почти наверняка один из Братства.

— Почти — плохое слово, Варро.

— Я уже послал за человеком, который сможет сказать точно.

— Хорошо.

Кригг вернулся к столу, взял графин и налил себе вина. Рука у него была спокойна до оскорбительности.

— Слушай внимательно, — сказал он, не поднимая глаз от бокала. — Сфера важна. Возможно, важнее, чем понимает даже Вальдор. Но сегодняшней ночью мы охотились не за ней.

Варро медленно кивнул.

Произносить такое вслух не следовало. Но в кабинете никого, кроме них, не было, а Кригг, видимо, уже не считал нужным притворяться.

— Нам нужен был мальчишка, который её нёс, — продолжил он. — Не мёртвый. Не раненый до беспомощности. Живой. Способный говорить.

Он отпил немного и только после этого поднял взгляд.

— Всё остальное было декорацией.

Варро почувствовал, как по спине прошёл холодок.

— Значит, второй...

— Второй — то, что осталось, — жёстко сказал Кригг. — Случайный обломок. Может быть, бесполезный. Может быть, нет. Если знает хоть часть того, что знал первый, мы это выясним. Если не знает — всё равно пригодится. Через него можно понять, кто их послал, что им успели сказать и насколько глубоко Братство сунуло нос туда, куда не следовало.

Варро поклонился.

— Я прослежу, господин.

— Проследи. И отдельно проследи за тем, чтобы он не умер раньше времени. Мне нужен не труп, а голос. Позови лекаря — не лучшего, но умелого. Ровно такого, который сумеет удержать человека по эту сторону смерти, не делая его слишком крепким.

— Да, господин.

Кригг поставил бокал.

— Вальдор?

Вопрос прозвучал буднично, но Варро всё равно напрягся.

— В ярости. Хочет поднять официальный шум. Говорит, дело нельзя скрывать. Собирается звать Ловцов.

На этот раз Кригг действительно усмехнулся.

Улыбка вышла короткой и неприятной.

— Разумеется. Лорд всегда хочет порядка, когда беспорядок устраивали в его доме, но не по его правилам.

Он провёл пальцем по краю стола.

— Хорошо. Если Вальдор желает Ловцов, к утру они должны получить совсем не ту картину, на которую рассчитывают.

Варро поднял глаза.

— Господин?

— Галерею и кабинет нужно подчистить. Тщательно. Никаких следов подготовки. Никаких болтов. Никаких механизмов, которые вызовут неудобные вопросы. Никакой крови там, где её не должно быть.

Понимание пришло к Варро не сразу — но, придя, осталось.

— Пожар, — сказал он тихо.

— Да. Небольшой. Убедительный. Такой, после которого все будут обсуждать ущерб, а не устройство ловушки.

— Понял.

— Передай Вальдору, что это мера предосторожности. Что мы спасаем его доброе имя. Такие люди любят, когда ложь заворачивают в заботу.

— Да, господин.

Варро уже шагнул к двери, но на пороге остановился.

Вопрос был опасный. И всё же он задал его:

— А если пленник окажется совсем не тем?

Кригг посмотрел на него спокойно.

Слишком спокойно.

— Тогда, — сказал он, — ему просто не повезло выбрать себе напарника.

Варро склонил голову.

— Ясно, господин.

— Иди.

Дверь закрылась за ним тихо, почти бесшумно.

Кригг Эрвол остался один.

Несколько секунд он стоял у стола, глядя на бумаги так, словно видел сквозь них совсем другое: площадь, крыши, вспышку выстрела, мальчишку, который умер не в тот миг и не так, как следовало.

Потом медленно провёл пальцем по оставленной пером царапине.

— Значит, защита работает, — произнёс он вполголоса. — А люди, как обычно, нет.

Он поднял взгляд к тёмному окну.

— Кто же ты такой, если ради тебя пришлось строить такую ночь...

Свеча погасла под его пальцами.

И кабинет сразу стал похож на место, где решения принимают не при свете.

Глава 3. Подвал.

— Эй, парень?!

Голос прорезал тишину резко, с металлическим отзвуком, будто слова прокатились по камню и ударились о стены.

Я дёрнулся — и сразу пожалел.

Боль ударила в висок, рванула через затылок и стянула голову так, словно на неё натянули железный обруч. Следом отозвался бок — глубокой, тупой вспышкой, от которой на миг выбило дыхание. Я невольно зашипел сквозь зубы и снова обмяк, уткнувшись ладонью в мокрую солому.

Во рту стояла горечь. Язык прилип к нёбу. Пахло сыростью, старым железом, прелой соломой и чем-то ещё — затхлой водой, мышами, давно не стиранный тканью. Так пахнут места, где людей держат не для жизни.

— Парень, ты там живой? — повторил голос, уже настойчивее.

Я с трудом открыл глаза.

Надо мной нависал низкий каменный потолок — в копоти, в серых разводах, в старых пятнах сырости. Под самым сводом в углу висел фонарь на цепи. Не горел. Просто темнел в полумраке, как напоминание: свет здесь дают только тогда, когда кому-то нужно на тебя смотреть.

Я моргнул, пытаюсь собрать расползающийся взгляд, и опустил его ниже.

Солома. Грязная, слежавшаяся, местами почерневшая от влаги.

Прутья.

Не настоящая тюремная решётка — скорее клетка, собранная из того, что было под рукой, но сделанная на совесть. Железные прутья вбиты прямо в камень, швы грубые, без красоты, зато надёжные. Замок на двери — новый. Слишком новый для такого старого подвала.

Не Карсон.

В Карсоне я бывал — не внутри камер, но достаточно близко. Там всё иначе: коридоры шире, стены хотя бы для виду белят, железо чистят, чтобы не так воняло ржавчиной. Здесь же всё было слишком... кустарно. Как будто кто-то взял обычный погреб и переделал его под клетки только потому, что так удобнее.

Не тюрьма.

Яма.

— Ты меня вообще слушаешь? — не унимался голос.

Я попытался сесть.

Мир немедленно качнулся и поплыл. В голове будто провернули ржавый крюк. Перед глазами потемнело, к горлу подкатила тошнота, и я снова рухнул на солому, выдохнув сквозь зубы.

Всё тело горело изнутри. От пальцев ног до затылка.

Знакомое чувство.

На миг я даже усмехнулся.

Перед глазами всплыло старое воспоминание: чердак над боковой часовней, пыльный, перекошенный, с кроватью, собранной из двух ящичков и старых подушек. И я после тренировки с наставником — не человек, а разваливающийся мешок мяса, который едва дополз до своей койки. Тогда мне казалось, что хуже быть не может.

Как же мало я тогда понимал.

Я попробовал вдохнуть глубже, как учил Грам. Медленно. Через боль. Считать до трёх на вдохе, до четырёх на выдохе. Не бороться с ней, а дать ей пройти сквозь себя.

Но стоило воздуху войти глубже, как в боку резануло так, что я невольно застонал.

И тут же дёрнул ладонь.

Жар.

Острый, ненормальный.

Я резко уставился на правую руку.

— Эй, — насторожился голос сбоку. — Что это у тебя там?

— Ничего... Я в порядке, — выдавил я хрипло.

Собственный голос звучал так, будто я сутки жрал песок и запивал его кровью.

Сбоку фыркнули.

— Ну, славно. А то я уж подумал, что мне опять подсунили полутруп. Тут таких любят.

Я сглотнул, морщась от сухости в горле, и снова попытался подняться — на этот раз медленнее.

Сначала на локте.

Потом на колене.

Потом всё-таки сел, привалившись спиной к стене.

Камень оказался влажным и холодным. Это помогло. Немного.

Я поднял ладонь к слабому серому свету, сочившемуся непонятно откуда, и уставился на знак.

— Что за...

Чуть ниже основания большого пальца проступал багрово-тёмный след.

Не рана. Не ожог.

Скорее что-то между клеймом и чернилами, только вбитое не в кожу, а под неё.

В центре был глаз — неровный, будто нарисованный наспех. От него тянулись тонкие линии, расходясь в стороны, как надломленные лапы или треснувшие крылья. Внутри зрачка закручивалась спираль. На второй взгляд — змея. Или паук, свернувшийся в клубок. Края метки расплзались ломаной каймой, словно паутина, по которой прошёл огонь.

На миг в одной из линий мелькнул красно-зелёный отблеск.

Боль тут же отдала в запястье.

Я резко втянул воздух.

— Что за чёрт...

Осторожно провёл пальцем по коже.

Поверхность была целой. Ни пореза, ни волдыря, ни шрама. Но под кожей будто тлело что-то чужое. Живое. Жар метнулся вверх по руке, кольнул в локоть и так же быстро исчез, оставив после себя мерзкое покалывание.

— Метка паука, — сказал голос сбоку.

Я поднял голову.

В соседней клетке сидел мужчина.

Худой — из тех, чей возраст невозможно определить с первого взгляда. Не старик, но лицо уставшее так, будто он прожил уже на две жизни больше положенного. Щёки запали. На подбородке темнела щетина. Под левым глазом наливался синяк. Под рваным воротом рубахи на ключице белел старый шрам.

Он сидел на соломе, прислонившись к стене, одна нога вытянута, вторая согнута в колене, и смотрел на меня спокойно — без сочувствия, без излишнего любопытства.

Слишком спокойно для случайного соседа по несчастью.

Как человек, который давно понял, где оказался.

— Что? — глухо переспросил я.

— Руна. Позволяет отслеживать твоё местонахождение, — ответил он.

Я снова перевёл взгляд на ладонь.

Слёжка.

Мысль была слишком неприятной, чтобы принять её сразу. Я сжал пальцы в кулак, и под кожей коротко дёрнулась боль, будто знак отозвался на движение.

— Где мы? — спросил я, не отрывая взгляда от метки.

— В подвале, — сказал он.

— Это я и сам вижу.

— Тогда зачем спрашиваешь?

Я поднял голову и посмотрел на него тяжелее.

Он криво усмехнулся, но без издёвки.

— Не знаю, чей это дом, — добавил он уже серьёзнее. — Но это не тюрьма. В тюрьме у тебя есть имя в книге, крыса в углу и шанс дожить до суда. Здесь тебя держат, пока кто-то наверху не решит, что с тобой делать.

Я замолчал и вслушался.

Сначала — ничего.

Только где-то далеко капала вода.

Потом донёсся слабый, едва различимый звук. Не сверху. Слева. Будто кто-то пошевелился по ту сторону стены. Затем ещё один — тихий кашель, сразу подавленный. Потом что-то скребнуло по камню.

Я замер.

Значит, мы здесь не одни.

Я осторожно поднялся на ноги, держась за стену. Слишком резко — и пол тут же качнулся навстречу. В глазах потемнело. Я упёрся ладонью в камень и переждал.

Холод помогал думать.

Я ощупал рёбра через рубаху.

Слева терпимо.

Справа — там, где ударился при падении, — боль отзывалась тупо и глубоко. Не нож. Не так, чтобы сломано пополам. Скорее трещина или сильный ушиб. Дышать больно, но можно.

Значит, пока жив.

Голова была хуже. В виске пульсировало, под черепом будто что-то сместилось и до сих пор не желало вставать на место. Во рту стоял металлический привкус. Я провёл языком по зубам. Целы. Значит, разбил губу или десну.

— Тебя притащили ночью, — сказал сосед, наблюдая за мной. — Сначала тащили как мешок. Потом бросили. Потом вернулись и облили водой, чтобы очнулся. Но ты не очнулся. Один сказал, что и так сойдёт.

Я медленно повернул к нему голову.

— Ты слышал их?

— Я здесь только и делаю, что слушаю.

Это прозвучало слишком просто.

Но я запомнил.

Я поднял взгляд к потолку и прислушался уже внимательнее.

Сверху — дом. Или что-то очень на него похожее. Далёкий скрип половиц. Один раз — шаги. Потом ещё. Не караульный ритм, не смена поста. Просто люди ходят по своим делам, уверенные, что внизу всё заперто. Где-то хлопнула дверь. Потом потянуло едва уловимым запахом жареного лука.

Обычный дом.

Дом с подвалом для людей.

От этой мысли по спине прошёл холод.

Я подошёл к прутьям и осторожно посмотрел в сторону коридора.

Узкий каменный проход. Низкий потолок. На стене — железный крюк. Под ним потемневшее пятно на камне. Ещё дальше, в темноте, угадывались контуры других клеток или дверей.

Не одна.

И не две.

Значит, это место используют давно.

Не для нас одних.

— Если думаешь о побеге, — сказал сосед, — лучше пока не трать силы.

Я промолчал.

— Замок новый. Петли смазаны. Лестница одна. Наверху дверь. А сюда приходят не по расписанию, а когда захотят. Неудобное место, чтобы строить красивый план.

Я посмотрел на него.

— Ты многое заметил.

— А ты многое скрываешь.

Я опёрся плечом о прутья, стараясь не показывать, как дрожат ноги.

— Как тебя зовут?

Он качнул головой.

— Сначала ты.

Логично.

И всё равно неприятно.

В подвале имя — это не имя. Это крючок. Если назвать настоящее, его потом могут вынуть из тебя на допросе вместе со всеми, кто тебя когда-либо знал. Если соврать слишком гладко — заметят. Если замолчать — тоже заметят.

— Нэйл, — сказал я.

Ложь сорвалась слишком быстро. Я мысленно выругался.

Сосед задержал на мне взгляд чуть дольше, чем мне хотелось.

— Нэйл, — повторил он, будто примеряя слово на вес. — Ладно. Я Торн.

Я кивнул, никак не показывая, что имя мне ни о чём не говорит.

Может, и правда ни о чём.

Может, нет.

Я медленно опустился обратно на солому. Бок болезненно отозвался, но стоять уже становилось труднее, чем терпеть сидя.

Несколько секунд я просто дышал. Медленно. Ровно. Считал вдохи, как учили.

Пока считаешь — не даёшь панике схватить тебя за горло.

Но память всё равно полезла наружу.

Окно в галерее.

Крики за дверью.

Крыши.

Лунный свет.

Кай на карнизе со сферой в руках.

Свист.

Болт.

Я закрыл глаза.

— Кай... — вырвалось само.

Тишина в подвале на миг стала плотнее.

— Твой человек? — спросил Торн.

Я не ответил.

— Значит, да, — спокойно сказал он.

Я резко открыл глаза.

— А ты, я смотрю, понимаешь больше, чем стоит.

Он пожал плечами.

— Ты очнулся с лицом человека, которого не просто избили. У тебя вид того, кто ещё не успел поверить, что остался один.

Я отвернулся.

Ответить было нечем.

Слева, дальше по коридору, кто-то вдруг застонал — глухо, коротко, будто звук выдавили сквозь сжатые зубы. Потом послышался слабый звон цепи или кольца о камень. И снова тишина.

Я уставился в темноту.

— Здесь ещё есть люди, — сказал я.

— Есть, — спокойно подтвердил Торн.

— Сколько?

— Было трое, кроме нас. Сейчас не уверен.

Я резко посмотрел на него.

— Было?

Торн чуть сдвинулся, устраиваясь удобнее у стены.

— Одного увели вчера. Или позавчера. Здесь время течёт плохо. Он много кашлял. Старик, кажется. Рука у него была сломана. Больше я его не слышал.

Я почувствовал, как внутри что-то неприятно стянулось.

— Второй?

— Девчонка. Или очень молодой парень. Голос тонкий. Один раз плакал ночью. Потом долго молчал. Сегодня тоже не слышал.

Он говорил об этом слишком ровно.

Не жестоко.

Хуже — привычно.

— А третий?

Торн кивнул в сторону стены.

— По ту сторону. Иногда бормочет во сне. Иногда молится. Иногда зовёт кого-то по имени.

Я помолчал.

Теперь подвал уже не казался просто камерой. Скорее колодезем, куда сбрасывают людей по одному, пока наверху кто-то решает, какие из них ещё пригодятся.

Я перевёл взгляд на прутья своей клетки, потом на замок, потом на дверь в конце коридора.

— Ты давно здесь? — спросил я.

— Достаточно, чтобы не любить местную воду, — ответил Торн. — И достаточно, чтобы понять: тех, кого держат долго, отсюда не выпускают через главный вход.

Я вскинул на него глаза.

— А как выпускают?

— Ногами вперёд. Или по чужому следу.

Я уставился на него, пытаюсь понять, пугает он меня или предупреждает.

Скорее второе.

И это беспокоило сильнее.

— Почему ты вообще со мной разговариваешь? — спросил я.

Торн усмехнулся одним уголком рта.

— Потому что молчание здесь дорого стоит. А ты похож на человека, который скоро станет очень интересен тем, кто наверху.

— С чего ты взял?

Он кивнул на мою ладонь.

— С этого. И с того, как тебя принесли. Не как вора. Не как пьяницу. Не как случайного идиота с улицы. Тебя притащили так, словно боялись потерять по дороге.

У меня пересохло во рту ещё сильнее.

Перед глазами снова вспыхнули обрывки ночи.

Особняк Вальдора.

Слишком простой вход.

Ключ от галереи.

Слишком быстрая тревога.

Погоня, в которой никто не стрелял до нужного места.

Кай.

Я медленно выдохнул.

— Нас ждали, — сказал я больше себе, чем ему.

Торн не ответил сразу.

— Возможно, — произнёс он наконец. — Но если ждали именно тебя, а ты всё ещё жив, значит, дело не в краже.

Я посмотрел на него.

— А в чём тогда?

— В том, что ты мог увидеть. Услышать. Унести. Или просто в том, что ты оказался рядом не с тем человеком в не ту ночь.

От его слов стало холоднее, чем от камня за спиной.

Я снова сжал руку в кулак, чувствуя, как под кожей глухо пульсирует метка.

— Я ничего не уносил, — сказал я.

— Может, и не уносил, — спокойно отозвался Торн. — Но это не мешает другим думать иначе.

Мы оба замолчали.

Где-то наверху скрипнула доска. Потом другая. Потом послышались голоса — приглушённые, неразборчивые. Один из них был резче остальных. Командный. Привыкший не спрашивать, а приказывать.

Торн слегка повернул голову в сторону лестницы.

Я тоже вслушался.

Шаги.

Не мимо.

Сюда.

Сначала один человек. Потом второй. Затем короткий звон металла.

Ключ.

Он вошёл в замок где-то наверху — не в нашу клетку, а в дверь, ведущую в подвал. Скрежетнул, провернулся уверенно, медленно, как будто торопиться было совершенно незачем.

Щёлк.

Дверь открылась.

В подвал хлынул свет — резкий, белёсый, из коридора или от лампы в чьей-то руке. Он прорезал тьму косой полосой, и пыль в воздухе вдруг стала видна, как дым.

Я машинально поднялся на ноги, хотя тело протестовало против этой идеи всем сразу.

По ступеням вниз спускался мужчина.

Не торопясь. С ровной осанкой. Так, будто шёл не к пленникам, а в собственный винный погреб проверить запасы.

На середине лестницы он остановился, окинул взглядом клетки, задержался на мне — ровно на секунду дольше, чем на остальных, — и спустился ниже.

Торн едва заметно выпрямился в своей клетке, но промолчал.

Мужчина подошёл к моим прутьям и остановился.

Лицо у него было самое обычное — и это пугало сильнее всего. Ничего в нём не кричало об опасности. Ни шрамов, ни звериной злобы, ни показной жестокости. Просто человек, привыкший, что чужая боль — часть его ремесла.

Он посмотрел на меня сверху вниз и сказал спокойно, почти буднично:

— Ну что, поговорим?

Глава 4. Первый допрос.

Спустя несколько минут я уже сидел за столом в комнате на первом этаже.

Меня привели туда двое — молча, без грубых окриков, но так, что было ясно: если я споткнусь, поднимать будут не из вежливости, а чтобы не тратить время. Подвал остался позади вместе с сыростью и темнотой, но легче не стало.

Здесь было холодно по-другому.

Не подвальной влагой, а сухим, вылизанным холодом каменного дома, где сквозняки ходят по коридорам, как прислуга. Под ногами тянуло от плит. Свет лампы резал глаза после подвала. На краю стола стоял кувшин с водой и два стакана рядом.

Я сидел неровно, стараясь не показывать, как берегу правый бок, и медленно водил взглядом по комнате.

Ничего лишнего.

Стол. Три стула. Лампа. Голые стены. Узкое окно с плотно задёрнутой шторой. Даже если здесь кого-то и били, делали это не ради удовольствия, а ради результата.

Дверь за моей спиной открылась.

Вошёл тот самый мужчина.

Свет от лампы падал так, что сначала я увидел силуэт чётче лица: длинный плащ, аккуратные перчатки, ровная осанка. Не стражник. Не палач. И, что хуже, не человек, которому нужна была видимость жестокости.

Он прошёл внутрь, закрыл за собой дверь, снял одну перчатку, положил её на стол и сел напротив.

Теперь я видел лицо.

Лет сорок, может чуть больше. Ухоженный. Спокойный. С внимательными глазами человека, который привык замечать мелочи и редко повторяет вопросы дважды.

Не злой.

Это было бы проще.

— Воды? — спросил он.

Я молча посмотрел на стакан.

— Упрямство — плохая валюта, — сказал он и сам налил воды. — Пей. Тебе будет легче отвечать. А мне — легче слушать.

Я взял стакан не сразу.

Потом всё-таки сделал пару глотков.

Холодная вода обожгла горло и разлилась по телу слабым, почти болезненным облегчением. Хотелось выпить всё сразу, но я заставил себя поставить стакан обратно.

Мужчина это заметил.

Наверняка отметил.

— Имя, — произнёс он.

— Нэйл, — ответил я.

Он кивнул, будто сверился с чем-то у себя в голове.

— Хорошо, Нэйл. Тогда начнём с простого. Кто был с тобой?

Я не моргнул.

— Никого.

— Твой напарник, — уточнил он всё тем же спокойным голосом. — Тот, кто умер на крыше.

У меня внутри что-то сжалось так резко, что на секунду стало трудно дышать.

Но лицо я удержал.

— Я работал один, — сказал я.

Ложь прозвучала ровно.

Привычно.

Почти удобно.

Мужчина чуть наклонил голову.

— Интересно. Потому что мои люди видели двоих. И слышали имя. Ты кричал его.

Память вспыхнула слишком быстро.

Кай!

На карнизе. До болта. После болта.

Я сжал зубы.

— В шоке можно крикнуть что угодно, — ответил я. — Хоть имя святого, хоть мать, хоть проклятие.

Он тихо выдохнул носом — не то смешок, не то признание удачного хода.

— Допустим.

Он сцепил пальцы перед собой.

— Тогда следующий вопрос. Кто дал вам заказ?

Я выдержал короткую паузу.

Не отвечай слишком быстро. Быстро отвечают те, кто боится тишины.

— Заказчика я не знаю, — сказал я. — Был посредник.

— Посредник кто?

— Не знаю.

— Где встречались?

— Уже не помню.

— Как выглядел?

— Обычный человек.

— Удобно.

Я промолчал.

Он рассматривал меня без раздражения. Даже без явной неприязни. Просто разбирал на части, как мастер разбирает чужой механизм: осторожно, деловито, без всякого уважения к тому, что этот механизм ещё жив.

— Значит, — произнёс он, — ты не знаешь заказчика. Не знаешь посредника. Работал один, хотя видели двоих. И всё же оказался в галерее Вальдора с ключом от нужной двери.

Молчание в комнате стало плотнее.

— Ключ был фальшивым, — сказал я. — Просто повезло.

Мужчина чуть улыбнулся.

— Удача. Конечно.

Он откинулся на спинку стула и впервые позволил себе рассмотреть меня не как собеседника, а как повреждение.

Разбитая губа. Синяк на виске. То, как я сижу неровно. Как стараюсь не дышать слишком глубоко. Как удерживаю плечи, чтобы не показать слабость.

— Тебя хорошо приложило, — сказал он. — Окно. Потом крыша. Потом падение. И всё равно ты пытался уйти.

Я не ответил.

— Это впечатляет, — добавил он.

— Тронут, — хрипло отозвался я.

Он пропустил это мимо ушей.

— Послушай внимательно, Нэйл. Я не Вальдор. И не городская стража. Мне не нужно красивое признание, которое можно положить в папку. Мне нужно понять две вещи: кто вас послал и почему охота за этой ночью была устроена именно так.

Я впервые поднял на него взгляд прямо.

— Мы ничего не вынесли.

— Неужели?

Он подался чуть вперёд.

— Голубая сфера. Артефакт из галереи. Предмет, из-за которого сработала тревога. Ты хочешь сказать, что даже не прикасался к нему?

Лгать в этом месте было бессмысленно. Ловушка, погоня, люди на крышах — всё было завязано на сфере.

— Прикасался, — сказал я.

— Ты?

Я помедлил.

Если взять это на себя, часть следов упрётся в меня. Если сказать правду — отдать Кая ещё раз, уже после смерти.

— Я, — повторил я.

Он смотрел на меня несколько секунд, будто проверял, где именно в этой фразе ложь.

— Хорошо, — сказал наконец. — Тогда объясни, почему сферы при тебе не было.

— Потому что вы нашли меня раньше, чем я успел с ней уйти.

Он кивнул слишком легко.

— Верно. Но нашли тебя пустым. Без сферы. Без ключа. Без всего, что могло бы представлять интерес. Значит, либо ты потерял это по дороге, либо кто-то забрал раньше нас.

Я промолчал.

Нечего было добавить.

— Тогда проще, — произнёс он. — Где произошла передача? Кто вводил вас в дом? Кто дал схему? Любая мелочь. Имя. Прозвище. Акцент. Особая примета.

Я сжал пальцы на краю стула.

Гладкое дерево раздражало больше, чем сырой камень внизу. В подвале хотя бы всё было честно.

— Не помню, — сказал я.

Он помолчал ещё секунду, потом спокойно встал.

— Ладно. Значит, пойдём другим путём.

Он обошёл стол без спешки. Не театрально. Не демонстративно. Просто как человек, который заранее знает: бежать мне некуда, сопротивление уже учтено, а дверь охраняют лучше, чем мне хотелось бы проверять.

Он остановился сбоку и положил ладонь на спинку моего стула.

— Ты ведь понимаешь, что будет дальше, — сказал он.

Я не ответил.

Но сердце всё равно ударило чаще.

Магию я чувствовал плохо.

Не как настоящие одарённые, о которых любили болтать в трущобах и трактирах. Не вкусом металла на языке, не мерцанием по краям зрения. Для меня это всегда было чем-то вроде перемены давления перед грозой: воздух остаётся тем же, но лёгкие уже знают, что дышать стало труднее.

Именно это и произошло.

Комната будто стала меньше.

Лампа не дрогнула. Огонь не изменился. Но тени по углам собрались плотнее, а внутри черепа возникло мерзкое ощущение чужого присутствия — не рядом, а прямо под кожей.

Мужчина положил вторую руку мне на затылок.

Не грубо.

Почти бережно.

От этого стало только хуже.

— Не сопротивляйся, — сказал он. — Так будет быстрее.

— И тебе удобнее, — выдавил я.

— И мне тоже.

Давление выросло сразу.

Сначала это даже не было болью. Просто ощущение, будто кто-то раскрыл мне голову и теперь неторопливо перебирает внутри мысли, как бумаги в чужом столе.

Я дёрнулся — скорее инстинктивно, чем осознанно.

Один из стоявших у двери шагнул ближе, но мужчина коротко поднял пальцы, и тот остановился.

— Имя напарника, — сказал он всё тем же ровным голосом.

Я стиснул зубы.

Перед глазами вспыхнуло окно галереи. Ночь. Чёрная рама. Лунный свет на стекле.

Не думать.

Не об этом.

— Имя.

Я заставил себя представить пустоту.

Старый приём. Глупый, почти детский, но иногда работающий: гладкая стена. Мокрый камень. Туман. Капля воды, падающая в одну и ту же точку. Любая бессмыслица, лишь бы не дать зацепки.

Наставник говорил: большинство ломаются не потому, что не умеют скрывать мысли, а потому, что пытаются не думать о нужном. А стоит запретить себе один образ — и он становится единственным.

Поэтому я думал о другом.

О замке на клетке.

О скрипе третьей ступени.

О запахе жареного лука наверху.

Мужчина едва заметно нахмурился.

Давление усилилось.

Теперь пришла боль.

Острым кольцом вокруг висков. Меня повело. Пальцы сами вцепились в край стула.

— Имя.

— Не знаю, — выдавил я.

Он выдохнул через нос.

И в следующий миг мир рванулся.

Не глазами — глубже.

Как будто меня схватили за затылок и швырнули в собственную память. Коридор вспыхнул так ясно, будто я снова в нём стоял: тяжёлые шторы, синеватый отсвет на стене, рука Кая на сфере, его тихое: «Быстрее».

Я зажмурился, но это ничего не изменило.

— Вот, — тихо сказал мужчина. — Уже лучше.

Я рванулся изо всех сил, едва не опрокинув стул. Боль прострелила бок. Дыхание сбилось. Перед глазами поплыли чёрные пятна.

— Не лезь, — прохрипел я.

— Тогда не заставляй меня.

Он надавил ещё сильнее.

Дальше время распалось на куски.

Вопрос.

Боль.

Вспышка памяти.

Пауза на воду.

И снова вопрос.

Иногда он сидел напротив и говорил почти вежливо, словно мы обсуждали сделку, а не то, что он только что рылся у меня в голове.

— Кто вас нанял?

Иногда подходил сзади, и холод его пальцев на шее означал, что сейчас меня опять потащат внутрь собственных воспоминаний.

— Где передали ключ?

— Кто дал вам схему дома?

— Кому вы должны были отдать сферу?

— Кто такой Кай?

На этом имени я впервые не удержал лицо.

Совсем чуть-чуть.

Но ему хватило.

— Значит, Кай, — произнёс он, будто делал отметку в невидимом списке. — Хорошо.

Уже что-то.

Я сплюнул кровь на пол. Видимо, прокусил щёку и даже не заметил когда.

— Ты и так это слышал.

— Слышать имя и знать, что оно настоящее, — разные вещи.

Потом он полез глубже.

Это было хуже боли.

Боль хотя бы честна: приходит, ломает, уходит.

А здесь у тебя отнимали границу между тем, что внутри, и тем, что можно удержать. Он выдёргивал образы не вопросами, а прикосновением.

Тусклая мастерская, где Кай в полумраке перебрался словами с человеком, чьего лица я так и не рассмотрел.

Запах масла на чужом плаще.

Карта, разложенная на столе.

Ключ на ладони.

Обрывок фразы: «только возьмите и уходите».

Голубой свет сферы.

Решётка.

Погоня.

Крыша.

Свист.

Я пытался сбивать его чем угодно.

Считал в уме.

Вспоминал алфавит наоборот.

Повторял бессмысленные связки слов.

Представлял комнаты, в которых никогда не бывал, лица людей, которых никогда не существовало.

Пару раз это даже сработало — я чувствовал, как он натывается на мусор, на ложные двери, на пустые стены.

Тогда мужчина отступал, давал мне воды, ждал, пока перестанут дрожать руки, и начинал снова.

Час за часом.

Я потерял счёт времени.

Только лампу один раз заменили другой, и по этому я понял, что прошло много. За окнами, которых я не видел, ночь, должно быть, уже успела перевалить далеко за середину.

Иногда в комнату заходил второй — молодой, суетливый, с быстрым взглядом и привычкой говорить тише, чем нужно.

Приносил бумаги.

Шептал что-то на ухо.

Косился на меня, как на вещь, которую не хотел бы трогать руками.

Один раз я услышал:

— Ирвин, господин Кригт желает знать...

— Ничего нового, — спокойно ответил мужчина. — Если бы он знал достаточно, уже сломался бы. Похоже, его действительно вели вслепую.

Ирвин.

Значит, так его звали.

А Кригт — тот, кто стоял над всем этим.

Я сухо засмеялся.

От смеха тут же прострелило бок, и я согнулся.

— Что смешного? — спросил Ирвин.

— То, что ты тратишь на меня ночь, — выдохнул я. — И всё зря.

Он посмотрел на меня внимательно.

Не зло.

Почти устало.

— Не зря, — сказал он. — Я уже знаю, что вас было двое. Что один из вас — Кай. Что ключ вам передали заранее. Что вас не просто наняли наугад. И что у тебя нет того, что мне нужно больше всего.

— Поздравляю.

— Но мне всё ещё мало.

Он снова положил руку мне на лоб.

Последний заход оказался самым тяжёлым.

Я уже не успевал строить стены. Мысли расползались. Некоторые воспоминания всплывали сами, без приказа: крыша под ногами, ладонь Кая у меня на плече, голос наставника, узкая улица под дождём, запах моря, потом снова коридор, снова синий свет, снова бег.

Но Ирвин не останавливался.

Чем дальше он копался, тем яснее становилось: у меня и правда нет того, что ему нужно. Только следы. Только обрывки. Только чужие слова, услышанные наполовину.

Под конец меня уже трясло.

Руки не слушались.

Когда он задавал вопрос, я сначала слышал звук, а смысл доходил позже, будто сквозь воду.

— Кому... вы должны были... отдать... артефакт?

— Не... знаю...

— Где встреча?

— Не... знаю...

— Знак посредника?

Перед внутренним взором всплывала пустота. Всё это получал Кай. Не я.

— Не... знаю...

Долгая пауза.

Потом давление исчезло.

Не сразу — медленно, как уходит отлив.

Я чуть не рухнул со стула, потому что всё это время держался только на сопротивлении. Когда стало пусто, тело сразу вспомнило, что оно избито, голодно, не спало и давно вышло за свои пределы.

Ирвин сел напротив и некоторое время просто смотрел на меня.

Я дышал рвано, с усилием. Пот стекал по виску. Пальцы дрожали так, будто меня только что вытащили из ледяной воды.

— Похоже, — сказал он наконец, — ты действительно знаешь только то, что видел прошлой ночью.

Я с трудом поднял на него глаза.

— Невероятное открытие.

Он не ответил на насмешку.

— Но кое-что ты всё же скрываешь. Не сведения. Привязанность.

Я хрипло усмехнулся.

— Какая жалость.

Он встал. Взял со стола перчатку и медленно натянул её на руку.

— На сегодня хватит.

Слово «сегодня» прозвучало почти бессмысленно.

Как будто существовало ещё какое-то время, кроме этой комнаты, лампы и боли в голове.

Ирвин кивнул людям у двери.

Двое подошли сразу.

Когда меня подняли, ноги подогнулись. Я не удержался и повис у них на руках, ненавидя себя за это сильнее, чем саму боль.

— Осторожнее, — сказал Ирвин. — Если он умрёт сейчас, это будет досадно.

Меня повели обратно.

Коридор качался. Свет расплывался. Один раз я задел плечом стену и едва не потерял сознание: от простого удара по синякам мир вспыхнул белым. Где-то наверху хлопнула дверь. Пахло воском, мокрой шерстью и едой, от запаха которой желудок болезненно сжался.

Потом была лестница вниз.

Сырая прохлада подвала ударила в лицо, как пощёчина. После комнатного сухого холода она показалась почти зимней.

Торн вскочил, когда нас увидел, и вцепился руками в прутья.

— Проклятье... — выдохнул он. — Что они с тобой сделали?

Я не ответил.

Не потому, что не хотел.

Просто на слова уже не осталось сил.

Замок щёлкнул. Дверцу открыли. Меня почти внесли внутрь и уронили на солому небрежно, но без лишней злобы — как мешок, который ещё может понадобиться.

Бок взорвался болью. В голове гудело так, будто чужие руки всё ещё копались там, внутри.

— Воды ему, — бросил кто-то снаружи.

— Не положено, — ответил другой.

— Утром, значит.

Дверца захлопнулась.

Замок щёлкнул коротко и надёжно.

Шаги удалились вверх по лестнице. Свет исчез. Осталась только подвальная темнота — сырая, глухая, почти мягкая после всего, что было наверху.

Торн присел у своей решётки, насколько позволяла цепь.

— Эй, Нэйл, — тихо позвал он. — Слышишь меня?

Я лежал лицом в соломе, чувствуя пыль, прелый запах и вкус крови во рту.

Слышал.

Но ответить не смог.

И только когда наверху снова стало тихо — окончательно, глубоко, — я понял, что почти ничего им не дал.

Почти.

И почему-то именно это не принесло облегчения.

Глава 5. Сосед по клетке.

Я пришёл в себя не сразу.

Сначала вернулся холод.

Он лежал на мне, как мокрая тряпка: просачивался под одежду, въедался в кожу, в суставы, в зубы. Потом пришла боль — не резкая, а тяжёлая, вязкая, разлитая по всему телу. Больше всего — в голове. Так, будто кто-то всю ночь бил меня изнутри по вискам тупым молотком, а под утро просто забыл остановиться.

И только потом я снова почувствовал подвал.

Сырая солома. Пыль. Камень. Железо. Стоячая вода. Воздух, слишком долго не видевший солнца.

Я с трудом разлепил глаза.

Темнота уже не была полной. Откуда-то сверху — может, из-под двери, а может, через узкий продух — тянулся вялый серый свет. Ни утро, ни вечер по нему было не понять. В подвале время быстро теряло форму и распадалось на отдельные пробуждения.

Я сглотнул и сразу пожалел об этом.

Горло саднило так, будто я наглотался песка вперемешку с пеплом. Во рту стоял старый вкус крови. Затылок ломило. Шея затекла. Бок ныл глубоко и тупо, и от одной попытки шевельнуться у меня на секунду потемнело в глазах.

— Живой, значит, — донёсся сбоку тихий голос.

Я медленно повернул голову.

Торн сидел у прутьев своей клетки, подтянув колени к груди. В тусклом свете его лицо казалось ещё худее, чем ночью. Щетина стала заметнее. Под глазами залегли серые тени. Но смотрел он внимательно — не с жалостью и даже не с простым любопытством. Скорее так, как смотрят на человека после бури: оценивают, цел ли, в сознании ли, не придётся ли вскоре звать тех, кто уносит тела.

Я хотел ответить, но из горла вышел только сиплый хрип.

Торн кивнул куда-то в сторону.

— Там вода. Оставили у решётки. Немного.

Я перевёл взгляд.

Глиняная кружка стояла у самых прутьев, всего в паре локтей от меня. Расстояние было смехотворным. Сейчас оно казалось дорогой через весь город.

Я перекатился на бок и пополз, опираясь на ладони.

Медленно.

Глупо.

Унизительно.

Солома шуршала под руками. В боку при каждом движении отзывалась горячая тупая боль. Стоило мне чуть поднять взгляд от пола, как голова начинала плыть.

Когда пальцы наконец сомкнулись на ручке кружки, я задержал дыхание, будто и это сейчас могут отнять.

Вода была тёплой, затхлой, с привкусом подвала.

Я всё равно выпил почти половину залпом.

Желудок тут же сжался предупреждающе, но я удержал воду в себе и только потом прислонился плечом к стене, переводя дыхание.

Мир немного отступил от краёв.

— Полегчало? — спросил Торн.

— Нет, — честно сказал я.

Он хмыкнул.

— Хотя бы говорить можешь.

Я сел, привалившись спиной к камню, и взял кружку обеими руками, будто от неё можно было получить не только воду, но и немного тепла. Пальцы всё ещё подрагивали.

Несколько секунд мы молчали.

Слева, дальше по коридору, кто-то кашлянул — сухо, с надрывом. Потом послышался слабый скрежет, словно по камню протащили цепь. И снова всё стихло.

Я невольно прислушался.

Торн заметил это.

— Да, — сказал он тихо. — Они ещё здесь.

— Кто?

— Те, кого пока не забрали.

От этих слов в подвале стало холоднее.

Я медленно провёл языком по разбитой губе и почувствовал шершавую корку засохшей крови.

— Сколько я был без сознания? — спросил я.

— Ночь. Может, часть дня. Тут трудно понять. Сначала тебя трясло. Потом ты просто лежал.

Я кивнул и сразу поморщился: в висках тупо вспыхнуло.

— Они ещё приходили?

— Нет. Один раз открывали дверь наверху. Кто-то посмотрел вниз и ушёл. Не спускались.

Я задумался.

Значит, или им пока не к спеху, или они уже выжали всё, что могли, и теперь решают, что делать дальше.

В голове тут же вспыхнуло: лампа. Стол. Голос Ирвина. Его пальцы у меня на виске. Давление, ввинчивающееся внутрь, как тонкое раскалённое жало.

Кто такой Кай?

Я резко втянул воздух.

Комната на секунду дрогнула. Свет посерел. Мне показалось, что я снова сижу наверху, а не на мокрой соломе.

— Эй, — сказал Торн уже внимательнее. — Спокойно. Ты опять побелел.

Я моргнул, заставляя подвал собраться обратно: прутья, камень, кружка в руках, сырая солома.

— Ничего, — выдавил я.

— Плохой из тебя лжец.

— Я не стараюсь.

Он немного помолчал.

— Что они делали? — спросил наконец. — Не просто били, верно?

Я поднял на него глаза.

В полутьме его лицо читалось плохо, но голос был серьёзным. Без насмешки.

— С чего ты взял?

— Я видел людей после побоев, — сказал он. — Они возвращаются иначе. Или злые. Или сломанные. Или полумёртвые, но понятные. А ты вернулся как после лихорадки. Будто тебя не били снаружи — будто из тебя что-то вычерпывали.

Я невольно усмехнулся. Усмешка вышла кривой.

— Хорошее сравнение.

Торн выдохнул через нос.

— Маг?

Я не ответил.

— Значит, маг, — заключил он. — Паршиво.

— Не то слово.

Он поёрзал, устраиваясь удобнее у стены, и продолжил уже тише:

— После такого люди иногда забывают куски. Или начинают слышать то, чего нет. Или говорят во сне.

Я посмотрел на него внимательнее.

— Откуда знаешь?

— Долго живу, — отрезал он. — И не только в подвалах.

Я это отметил, но давить не стал.

Сначала нужно было разобраться с тем, что осталось у меня в голове.

Я посмотрел в кружку. На дне оставалась мутная полоска воды.

Добились ли они чего-нибудь?

Имя — да.

Реакцию — да.

Несколько образов — наверняка.

Настоящий ответ — нет. По крайней мере, я на это надеялся.

Но даже этого хватало, чтобы чувствовать себя так, будто меня обчистили изнутри.

— О чём спрашивали? — снова подал голос Торн.

— Ни о чём.

Он чуть улыбнулся.

— Понятно. Значит, о важном.

Я устало прикрыл глаза.

— Что-то выяснили? — не отступал он.

— Я не уверен.

Голос дрогнул, и это разозлило меня сильнее, чем хотелось бы. Слишком слабо. Слишком честно.

Потому что правда была именно такой: я ничего не сказал по своей воле, но кое-что всё равно отдал. Иногда этого бывает достаточно.

Торн тихо присвистнул.

— Тогда, возможно, ты всё ещё нужен. По подвальным меркам это даже хорошая новость.

— Если мерить по подвальным меркам, — сказал я, — то да.

Он кивнул.

Сверху что-то стукнуло. Мы оба замолчали и прислушались. Но звук не повторился. Просто дом жил своей жизнью, как живут все дома: скрипят доски, ходят люди, где-то ставят на стол посуду, где-то открывают ставни. Всё это происходило в нескольких локтях над нами, будто мир наверху и не подозревал, что под его полом держат людей.

Или подозревал слишком хорошо.

Я осторожно поставил кружку на пол.

— Кто такой Кригг? — спросил я.

Торн нахмурился не сразу. Сначала слишком быстро поднял глаза, потом уже изобразил, будто пытается вспомнить.

— Кригг?

— Во время допроса кто-то упомянул это имя, — сказал я. — Похоже, один из тех, кто здесь всем управляет. Не знаешь его?

Торн помолчал.

Слишком долго.

— Никогда не слышал, — сказал он наконец.

Ложь.

Не грубая. Не явная. Но я почувствовал её почти сразу — в том, как он повторил имя, как на секунду отвёл взгляд, как выбрал слишком ровный ответ.

Грам когда-то вбивал в меня простую вещь: если человек тянет время перед «не знаю», значит, знает хотя бы то, что говорить не хочет.

Я отметил это и пока не стал давить.

Сейчас у меня были проблемы поважнее.

Я прокашлялся, пытаюсь прочистить горло. Оно всё ещё саднило, будто по нему прошли наждаком.

— Нужно выбирать, — сказал я.

Торн поднял бровь.

— И как ты это собираешься сделать?

— Пока не знаю.

Я провёл взглядом по клетке.

Прутья толстые. Каменная кладка старая, но крепкая. Замок новый. Петли снаружи. Если здесь и есть слабое место, то не в железе.

— Ты слишком тихий для человека, которого всю ночь вытаскивали наизнанку, — заметил Торн.

— А как надо?

— Обычно после такого либо клянутся всех перебить, как только выберутся, либо стонут, либо молятся.

— А смысл? — Я посмотрел на него. — У меня и так сил немного. Не хочу тратить их на крики, если ими нельзя открыть замок.

Он хмыкнул.

— Разумно.

Мы снова замолчали.

В голове оставалось мерзкое ощущение пустых мест. Не настоящих провалов — скорее царапины на памяти, будто кто-то залез грязными пальцами в ящики, всё перерыл и ушёл, оставив вещи вроде бы на месте, но уже не так, как было.

И всё же сквозь эту вязкость пробивалось главное.

Кай мёртв.

Я жив.

И это не ощущалось как удача.

Я уткнулся затылком в стену и медленно выдохнул.

— Кстати, кто ты? — спросил я, повернув голову к Торну.

Он коротко усмехнулся. Без радости.

— Поздно ты решил познакомиться.

— Раньше было не до этого.

— А сейчас, значит, самое время? Здесь? — Он чуть повёл плечом, и где-то внизу тихо звякнул металл. — В подвале, после магического допроса, с разбитой головой и без понятия, доживёшь ли до вечера?

— Сейчас у меня не так много занятий.

Торн посмотрел на меня внимательнее.

На секунду мне показалось, что он просто отвернётся. Но он только выдохнул через нос и сел поудобнее.

— Моё имя ты уже знаешь, — сказал он. — А в остальном... скажем так: я человек, который брался за грязную работу, пока за неё платили достаточно.

— Наёмник?

— Иногда.

— И за что тебя сюда притащили?

— За ошибку.

— Удобный ответ.

— Зато честный.

Я ждал.

Наконец он продолжил:

— Один человек хотел, чтобы я доставил кое-что другому человеку. Без стражи, без посредников и без лишних глаз. Я согласился. Потом понял, что вещь слишком ценная, а люди вокруг неё — слишком нервные. Решил выйти из игры.

— И не успел.

— Как видишь.

— Что за вещь?

Он перевёл на меня взгляд.

— А вот теперь ты задаёшь вопросы так, будто это снова допрос.

— Привыкаю к местным порядкам.

Торн тихо фыркнул.

— Неважно, что это было. Важно, что я не донёс груз. И кто-то решил, что лучше запереть меня здесь, чем убить сразу. Значит, рассчитывали, что я передумаю. Или что у меня найдётся то, чего не нашли при обыске.

Я нахмурился.

— Обыскивали?

— Трижды. Первый раз сразу. Второй — злее. Третий — молча. После третьего я понял, что ищут уже не деньги.

Это я тоже запомнил.

История Торна звучала достаточно правдоподобно, чтобы не отбрасывать её сразу, и достаточно гладко, чтобы не верить ей до конца.

— А Кригг? — спросил я снова. — Ты соврал.

На этот раз Торн не сделал ни одного лишнего движения. Только глаза у него стали холоднее.

— С чего ты взял?

— С того, как ты повторил имя. Люди так тянут время, когда решают, сколько можно сказать.

Он помолчал.

Потом нехотя кивнул.

— Хорошо. Я слышал это имя.

— Уже лучше.

— Но я не знаю, кто он на самом деле. Хозяин дома, управляющий, человек, которому несут отчёты, — для нас разница небольшая.

— И всё же ты его знаешь.

— Я слышал, как один из людей наверху сказал другому: «Криггу это не понравится». И ещё раз — «Сначала доложим Криггу». Этого хватило, чтобы понять: если он и не хозяин всего этого, то стоит выше тех, кто носит ключи.

Это совпадало с тем, что я уже успел собрать по обрывкам.

— Почему сразу не сказал?

— Потому что в подвале любая лишняя правда может стоять зубов, — спокойно ответил он. — И потому что я тебя не знаю, Нэйл. Или как тебя там на самом деле зовут.

Я не отвёл взгляда.

— Справедливо.

— Вот именно.

Слева снова донёсся кашель — на этот раз надсаднее. Потом слабый голос что-то пробормотал. Слов было не разобрать, только ритм: не разговор, а молитва или бред. Через несколько секунд всё стихло.

Я посмотрел в темноту коридора.

— Их часто уводят? — спросил я.

Торн ответил не сразу.

— Достаточно часто, чтобы замечать тишину, когда кто-то не возвращается.

Я сжал челюсти.

— И никто никогда не возвращался?

— Один вернулся. Однажды. Ему выбили половину зубов и что-то сломали в руке. На следующий день его снова увели. После этого — нет.

Холод снова пополз по спине.

Подвал всё меньше напоминал место ожидания и всё больше — промежуточную яму. Склад. Отстойник для людей, чья ценность ещё не до конца определена.

Я снова окинул взглядом клетку.

Прутья — в ладонь толщиной. Крепления в камне старые, но не расшатанные. Замок новый. Продух под потолком слишком высоко. Пол неровный, один угол влажнее другого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.